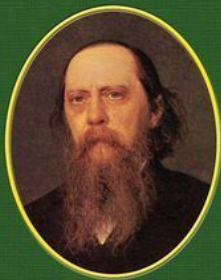

Михаил
Салтыков-Щедрин

Сочинения

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Движение законодательства в России

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3132715*

Аннотация

В рецензируемой Салтыковым книге тамбовский помещик, отставной чиновник Г. Б. Бланк стремится доказать, что все «движение законодательства» под влиянием пагубных идей ведет помещиков к гибели, а страну – к революции. Он требует ликвидации земства и сельского самоуправления, законодательного повышения роли поместного дворянства и «устройства сильного рабочего класса» путем возврата крестьянских наделов помещикам. Салтыков отказывается от полемики с Бланком по существу его взглядов – он только издевается над мнимым глубокомыслием и литературным косноязычием пропагандиста «упраздненных мыслей».

Содержание

Примечания
Комментарии

11

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Движение законодательства в России

*Отделы: I, II, III и IV Д. с. с. Григория Бланка.
СПб. 1869*

Невнятное бормотание самоучек-философов столь же трудно доступно для чтения и понимания, как и любой трактат трансцендентальной философии. Если в последнем случае чтение затрудняется отвлеченностью содержания, требующей довольно сложной предварительной подготовки, сбивчивостью и необычностью терминологии, то в первом случае внимание читателя без всякой пользы задерживается сумятицей, господствующей в понятиях самого диссертанта, важностью тона, с которою он изрекает неслыханнейшие пустяки, и, наконец, совершенным презрением к каким бы то ни было синтаксическим и этимологическим приличиям. Вы видите человека, торопливо взбирающегося на кафедру; вот он насупил брови и, очевидно, нечто злоумышляет; жилы у него на лбу готовы лопнуть от натуги, ноздри раздуваются, губы трепещут; он то раскрывает уста, то смыкает их и опять раскрывает... Вы удивлены и встревожены; вас даже

несколько утомляет зрелище беспрерывно разевающегося и смыкающегося рта; но в то же время вы не прочь допустить и то, что причина происходящих перед вами мучительных потуг имеет источником глубину и обширность соображений, обуевающих диссертанта. Ничуть не бывало. Он натуживается совсем не от того, что ему трудно вытащить свою мысль на свет божий, а от того, что у него совсем нет мысли и он в эту самую минуту ищет ее по всем извилинам своего мозгового вещества. Но вот он наконец на что-то набрел; впопыхах он не замечает, что находка его не только не имеет ничего схожего с мыслью, но что это даже не зародыш мысли, а просто выброшенная за негодностью тряпица, и спешит поделиться с публикой целым трактатом. Вы читаете, видите буквы, слова, останавливаетесь над каждой фразой, вдумываетесь – и все-таки ничего не понимаете. Вы наконец начинаете самого себя обвинять в тупости, в том, что ваша мысль не может стать на один уровень с мыслью писателя-самоучки. Успокойтесь. Вы не понимаете оттого, что тут нечего понимать, что тут либо подлежащее пропущено, либо сказуемое позабыто, либо на связку опущен чересчур непроницаемый покров таинственности.

Философ-самоучка всегда забирается высоко и для представлений самых низменных ищет гегелевских формул. Заберется-заберется куда-то далеко, да там и лопнет. Может быть, это оттого происходит, что являться в публику нараспашку с одними отставными мыслями, похожими на стоп-

таннные башмаки, довольно зазорно; но в таком случае, кто же заставляет всенародно срамить себя, кто препятствует сидеть дома хоть совсем нагишом? Кто? Странный вопрос! Не забудьте, что нет ничего самолюбивее умственной голытьбы, собственным умом дошедшей до каких-нибудь младенческих соображений, и что однажды она дошла до них, ей уже не терпится и не сидится на месте, покуда она не выложит на стол всех грошей, которые ей удалось скопить. Что нужды, что она ходит в стоптанных башмаках, – ей кажется, что никто этого не заметит и что ежели она кой-что подправит, кой-что подмажет, то и отставные мысли, пожалуй, сойдут за настоящие. И вот, с криком: с нами бог! – она входит в самое святилище упраздненных мыслей, ищет там обрывков далекого школьного прошлого, припоминает их, перевирает и в конце концов произносит такую речь, которую не только логически, но и синтаксически разобрать ни под каким видом нельзя.

Заветная мысль г. действ. статск. сов. Григория Бланка известна давно всем,^[1] кто хоть поверхностно знаком с литературою по крестьянскому делу. Эта мысль может быть формулирована так: в России не было рабства, а было крепостное право, то есть такое блаженное состояние, в котором помещик является и просветителем, и промыслителем, и защитником, и упразднение которого должно ввергнуть наше отечество в бездну революций. На долю помещика выпадали все заботы: он уплачивал за крестьян подати, он ставил

рекрут, наряжал подводы, приходил на помощь крестьянам в неурожайные годы, разливал просвещение, устраивал крестьянские браки и т. д.^[2] На долю крестьян приходилось одно: блаженствовать и не грубить. Эту же самую мысль повторяет г. Бланк и в ныне изданном им сочинении, в котором он предположил порядком-таки пожурить кой-кого за реформы последнего времени. Конечно, этой мысли вся цена грош, тем не менее она понятна, и если изложить ее без синтаксических ошибок, то, пожалуй, может даже и сочувственников себе найти в известных сферах. Но в том-то и беда, что г. действ. статск. сов. Григорий Бланк устыдился наготы этой мысли и, вместо того чтобы совсем зачеркнуть ее, вступил в неравный бой с синтаксисом и грамматикой.

Неизвестно, для чего ему понадобилось подкрепить эту мысль какими-то общими философскими положениями. И вот он начинает свою речь *ab ovo*¹ и для пущей важности задает себе следующий вопрос: что такое закон? *Закон, говорит он, есть правило для руководства в известных обстоятельствах.* Представьте себе, что вы перечитали целые груды книг по части истории и философии права; с другой стороны, представьте себе, что вы не только ничего не читали, но даже никогда не думали о том, что обуславливает и направляет ваши шаги в жизни, – вас одинаково и в том и в другом случае поразит это определение своею неожиданностью. Вы будете над ним думать, думать и думать... Есть что-

---

¹ с самого начала

то такое в природе, о чем вам смутно припоминается, что вы где-то видели или читали, но где именно?.. Ах да! наконец! «В сей лес за грибами ходить запрещается», «в сем месте молиться не дозволяется», «сей книге цена рубль»... черт возьми! ведь все это законы! все это *правила для руководства в известных обстоятельствах!* Откуда пришли эти законы – не знаю; но знаю, что я читал их на досках и на обертках книг. И еще знаю, что г. Бланк заявил себя изрядным законодателем, назначивши два рубля за книгу, заключающую в себе меньше трехсот страниц.

Но г. действ. статск. сов. Григорий Бланк идет дальше; он спрашивает себя: как составляется закон? воображая, по-видимому, что закон есть микстура, которую можно составить во всякое время. Ответ: *«Для составления закона должны быть известны все обстоятельства государства в полной, истинной своей действительности и общей связи»*. Но это определение даже воспоминаний никаких не пробуждает, ибо его никто не читал ни на какой доске, ни в каких местах. Какие это «государственные обстоятельства»? какая «истинная действительность»? и может ли быть действительность не истинная? К чему слова эти собраны вместе? Кому и о чем они дают какое-нибудь понятие? И главное, зачем все это было нужно, когда основная мысль сочинения: упразднение крепостного права есть начало революции – сама по себе так понятна, что ухищрениями можно только затемнить ее?

Но до сих пор мы видели г. Бланка в борьбе только с здравым смыслом; далее он уже вступает в борьбу с этимологией и синтаксисом и окончательно изнемогает в ней. Он смешивает «исполнительность» с «исполнимостью», он придумывает смешное слово «актальность».^[3] Мало того, рассуждая о том, что закон должен быть исполняем, он говорит: «Слабость исполнительности законов может проявляться со стороны жителей и правительственных органов; если дух законов правилен, благотворен и сообразен с обстоятельствами государства, то первое не бывает без последнего». И только. Где тут подлежащее? где сказуемое? откуда явилось «первое»? какой процесс предшествовал зарождению «второго»? Конечно, ни один смертный не измыслит ответа на эти вопросы.

Все это доказывает, однако ж, ту старую непререкаемую истину, что прежде, нежели писать трактаты, надобно твердо знать грамматику и не показывать слишком явного отвращения к правилам словосочинения. Трудно исчислить все блага, доставляемые твердым знакомством с синтаксисом, но между ними есть одно, которое бросается в глаза особенно ярко. Это благо – говорить и писать так, чтобы вас понимали. Если нам говорят: «Закон есть правило для руководства в известных обстоятельствах», то мы, конечно, этого не понимаем, но не понимаем оттого только, что тут и понимать-то нечего; но когда нам говорят: «То первое не бывает без последнего», то это уже нас огорчает, ибо кто же знает? будь го-

ворящий несколько более тверд в правилах синтаксиса, может быть, мы и невесть что услышали бы от него...

Еще одно слово: по поводу реформы г. действ. статск. сов. Григорий Бланк считает нелишним упомянуть и о покушении 4 апреля 1866 года. Это сопоставление производит странное впечатление. Ужели и в самом деле г. Бланк думает, что между этими фактами существует какая-нибудь связь? Если ж он не думает этого, то с какого повода, предположив говорить о реформах, давших жизнь нашему отечеству, он примешивает в свою речь воспоминание о происшествии, взволновавшем всю Россию? Нет ли тут желанья намекнуть, что стремления, давшие начало реформам, суть те же самые, которые породили и происшествие 4 апреля? Если же нет, то к чему по поводу реформ, всеми и бесповоротно признанных за благодетельные, заводить речь о «пролетариате неразвитых масс» и о «пролетариате развитого меньшинства» и все в связи с 4 апреля?^[4] Воля ваша, а тут что-то не просто.

Мы думаем, что с подобными игривыми сопоставлениями пора бы и покончить.

Примечания

Условные сокращения

Изд. 1933–1941 – Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений в 20-ти томах, М. – Л. 1933–1941.

ЛН – «Литературное наследство».

Неизвестные страницы – М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизвестные страницы. Редакция, предисловие и комментарии С. Борщевского, М. – Л. 1931.

Письма, 1924 – М. Е. Салтыков-Щедрин, Письма. 1845–1889. Под ред. Н. В. Яковлева. Л. 1924.

ОЗ – «Отечественные записки».

С – «Современник».

ИРЛИ – Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Отдел рукописей.

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства.

Z. f. sl. Ph. – «Zeitschrift für slavische Philologie». Hsg. von Dr. Max Vasmer. B. IV, Doppelheft 1–2. Leipzig, 1927.

Движение законодательства в России. Отделы I, II, III и IV. Д. с. с. Григория Бланка, СПб. 1869.

ОЗ, 1869, № 10, отд. «Новые книги», стр. 238–241 (вып. в свет – 15 октября). Без подписи. Авторство установлено С. С. Борщевским на основании анализа текста – *Неизвестные страницы*, стр. 540–541.

Тамбовский помещик, отставной чиновник Г. Б. Бланк, еще до реформы приобретший известность своими печатными выступлениями в защиту крепостного права, в 60-е годы был ведущим публицистом «Вести». В рецензируемой Салтыковым книге Г. Бланк стремится доказать, что все «движение законодательства» под влиянием пагубных идей ведет помещиков к гибели, а страну – к революции. Он требует ликвидации земства и сельского самоуправления, законодательного повышения роли поместного дворянства и «устройства сильного рабочего класса» путем возврата крестьянских наделов помещикам.

Салтыков отказывается от полемики с Бланком по существу его взглядов – он только издевается над мнимым глубокомыслием и литературным косноязычием пропагандиста «упраздненных мыслей». Однако он специально останавливается на прозрачных намеках Бланка на существующую будто бы прямую связь революционно-демократических идей (под влиянием которых якобы и осуществлены

все реформы) с покушением Д. Каракозова 4 апреля 1866 г. на Александра II. «Верховный суд разобрал виновность преступных *лиц*, – пишет Г. Бланк, – ...но что делать с преступными *идеями*? <...> Как уловить всех затаенных деятелей нигилизма и тонкой, глухой пропаганды, часто скрывающихся даже под влиятельностью общественных, мировых, земских и других служебных учреждений?» (стр. 14). В свете изложенной «концепции» Бланка об идейном источнике крестьянской реформы ясно, что, выступая против утверждений о связи реформы с покушением на цареубийство, Салтыков по существу отрицает отождествление революционно-демократических идей с тактикой терроризма. Такое отрицание не только служило защите органа революционной демократии от полицейских нападков – оно отражало подлинные взгляды Салтыкова, никогда не поддерживавшего «этих бессмысленных убийств и покушений» (см. его письмо к Н. А. Энгельгардту от 6 февраля 1879 г.).

Комментарии

1.

Заветная мысль... Григория Бланка известна давно... – Еще в 1856 г. в статье «Русский помещичий крестьянин» («Труды Вольного экономического общества», № 6, т. II, 1856) Г. Бланк заявил, что крепостное состояние не имеет ничего общего ни с рабством, ни с «невольничеством» времен феодализма в Западной Европе, ибо единственная забота русского помещика – «о благосостоянии, здоровье и счастье своих крестьян». В развернувшейся вокруг этой статьи полемике В. Безобразова с Г. Бланком принял участие Чернышевский (см. «Заметки о журналах». – С № 9, 1856; ср. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, М. 1947, стр. 705–708).

2.

...он уплачивал за крестьян подати, он ставил рекрут, наряжал подводы... – «Устав о податях» возлагал на помещика раскладку между крестьянскими хозяйствами обязательных платежей в казну и сбор этих податей. Перед каждым рекрутским набором для пополнения армии власти определяли только общее число рекрутов, порядок же отбывания этой повинности также устанавливал помещик.

3.

Он смешивает «исполнительность» с «исполнимостью», он

придумывает смешное слово «актальность». – В книге Г. Бланка на стр. 5 «Каждый закон должен соединять в себе <...> силу мысли и силу исполнительности <...> Одна сила составляет дух законов, другая исполнимость, которая выражается повсеместным единообразием актальности.»

4.

...заводит речь о «пролетариате неразвитых масс» и о «пролетариате развитого меньшинства»... – Главным носителем революционных идей Бланк считает разночинскую интеллигенцию. «Где вообще гнездится элемент революций? Бесспорно, в пролетариате, который определяется недостатком средств к удовлетворению потребностей. Он бывает двух родов: пролетариат неразвитых масс и пролетариат развитого меньшинства. Последний опаснее первого... Эта болячка тем сильнее чувствуется в государстве, чем оно неосновательнее надрывается над образованием своего умственно развитого пролетариата, который – например, в России – составил бы полезный ремесленный класс...» (стр. 24–25).